Послания наполнены реалиями из биографии как Симона, так и Поликарпа. Особенно ценны сведения, дающие возможность воссоздать внутренний мир обоих, черты характера, жизненные принципы, отношения к окружающей среде и самим себе. Симона мы видим односторонне — только из его слов, зато о Поликарпе можем судить не только со слов Симона, но и из его собственных высказываний о себе, что делает его образ как бы объемным и не статичным, а находящимся в движении.

Мы застаем его в момент перелома жизненной ситуации, подпавшим под суровое обличение и фактическую опалу, смиряемым и гонимым. Церковь ломала и смиряла и более крупные характеры, чем Поликарп. Однако сломился ли он, как это кажется на первый взгляд? Обратимся к самому патерику. Из слов епископа Симона, обличающего недостатки Поликарпа, перед нами встает человек хотя и в монашеской рясе, но полный мирских помыслов, «впадший» в «глубину житейскую»[5] и потому неугодный церкви. Вместо того чтобы служить богу со страхом и смирением, Поликарп проявляет строптивость по отношению к монастырским властям (ропщет на игумена и его служителей, на повара и прислужников), на поношение отвечает не смирением, а бранью, осмеливается даже без разрешения церковных властей уйти из монастыря, чтобы добыть игуменство. Симон замечает: «Разумех бо тя санолюбьца и славы ищеши от человек, а не от бога».[6]

По мнению Симона, у Поликарпа нет оснований чувствовать свою исключительность и «мудрствовать о высоком»: «Что таковое ты съдеа? Богатство ли остави? — но не име его; славу ли? — но не постиже еа».[7] «Вчера пришел еси в чернечьство, и уже обещеваешися, и прежде навыкновениа епископъству хощеши, и законодавець крепок показуешися; и прежде своего покорения всех смирити хощеши; мудроствуеши высокаа, с грьдынею повелеваа, съпротивно отвещеваа. Сиа вся навыкох от уст твоих, — яже помышляеши о земных, а не о небесных; о плотъских, а не о духовных; о похотех, а не о въздержании; о богатестве, а не о нищете».[8] Даже в слабости зрения Поликарпа видит Симон знак, что не «угодно богу» его «старейшинъство».[9]

«Что от человек сану ищеши, а не от бога?», — спрашивает он Поликарпа. «Сущим же от бога не хощеши повинутися и мыслиши высокаа? Иже древле таковии с небес съвръжени быша... Аз бо, рече, несм ли достоин уверитися таковому начинанию сана? Или хуждьши есмь иконома сего, или его брата спеющаго».[10] Это самоощущение Поликарпа, сознание им своей человеческой ценности представляется Симону наущением дьявола. Он продолжает: «И аще мене преслушаешися, каковеи любо власти въсхощеши, — или епископъству, или игуменьству повинешися, — буди клятва, а не благословение! ... Постыдевся, покайся и изволи си тихое и безмятежное житие, к нему же господь призвал тя есть»;[11] «Съвет же ти даю: благочестием утвердися в святем том монастыре Печерьском, не въсхощеши власти — ни игуменъства, ни епископьства; и довлеет ти к спасению, иже коньчати жизнь свою в немь».[12]

Поликарп отступает в этой борьбе. Он подчиняется и остается в монастыре до конца жизни. В письме к игумену Акиндину он покорно по-

[5] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 25.
[6] Там же, стр. 75.
[7] Там же, стр. 86.
[8] Там же.
[9] Там же, стр. 75.
[10] Там же.
[11] Там же, стр. 76.
[12] Там же, стр. 82.